

Бар-Йосеф Х., Копельман З. Антология ивритской литературы XIX–XX веков в русских переводах. М., 1999.

В. Шкловская-Корди

Бар-Йосеф Х., Копельман З. Антология ивритской литературы XIX–XX веков в русских переводах. М., 1999.

РГГУ издал антологию ивритской литературы XIX–XX вв. в русских переводах. Книга была составлена Хамуталь Бар-Йосеф и Зоей Копельман. Эта четвертая крупная антология, вышедшая за последние несколько лет — в 1993 г. в Москве в издательстве «Радуга» увидел свет сборник переводов современных израильских новелл «Пути ветра», составленный Еленой Макаровой, в 1997 г. выходила в Екатеринбурге в издательстве «Калан» антология «Гридзать три века еврейской поэзии», составленная Яковом Либерманом, и, наконец, в 1998 г. вышла «Израильская литература в русских переводах», составленная Е. Римон и изданный Петербургским Еврейским университетом. Новая хрестоматия Хамуталь Бар-Йосеф и Зои Копельман имеет ряд важных особенностей, отличающих ее от предыдущих.

Кроме неоднократно переиздававшихся Моше Шамира, Хайма Гури, Самеха Изхара, Иехуды Амиаха, Натана Заха, Аарона Аппельфельда, Амоса Оза или Авраама Б. Иехошуа, в антологии представлены вещи, изданные так давно и таким тиражом, что они стали библиографической редкостью. В книге много удачных переводов, новые, сделанные специально для этой антологии, соседствуют со ставшими классикой переводами Владимира Жаботинского. Художественные произведения часто предваряются критическими и публицистическими статьями, одни статьи написаны нашими современниками, а другие — современниками автора. Некоторые произведения печатаются вместе с ивритским оригиналом. Книга снабжена спарточным аппаратом, составленным З. Копельман: имеется обширная библиография переводов на русский, а также подробные комментарии. В конце книги помещена статья Хамуталь Бар-Йосеф «Израильская литература 90-х годов XX века», содержащая краткий экскурс в современное положение израильского книгоиздания, а также беглый обзор новых имён, не представленных в данной антологии.

Для желающего получить представление о современной ивритской литературе эта книга представляет огромный интерес, так как дает возможность познакомиться с произведениями в контексте проблем и веяний, волновавших в свое время умы читателей, владевших ивритом. Это очень важно, так как литература, создававшаяся на языке, на котором тогда никто или почти никто не говорил, не могла жертвовать идеологической нагрузкой ради красоты стиля. Статьи Иосифа Клаузнера «Древнееврейская литература новейших времен» 1917 г. и

Абраама Якова Гаперна «О романе «Любовь в Сионе» 1911 г. рассматривают ивритскую литературу как живые тексты, которые могут вызывать восхищение и возмущение, а не как исторические памятники, нуждающиеся, подобно «Слову о полку Игореве», в переводе на современный язык. В таких статьях авторы произведений ожидают и начинают спорить. Гершон Шлофман проклинает город, высказавший жизнь из прекрасной сельской девушки («Ганя»), и предстает против попыток ассилироваться, показывая солдата, научившегося прекрасно маршировать и забывшего, что он еврей («На посту»). Uri Ниссан Гнесин рисует страшную картину из жизни неизвестенного еврея, водившегося своим наделом. Мы видим как «скелеты» сторонники возрождения евреев «к земле», к букалическому сельскому труду, с противниками этой идеи. Юный мечтатель Хофни — персонаж рассказов «Теленок» и «Тени», раздираем противоречиями между мистическим и материалистским мироощущением. Наконец, програмная статья Ахад ха-Ама довершает дело, читатель погружается в этот котел идей и испытывает непреодолимое желание прочесть все доступные произведения того времени, чтобы, наконец, со знанием дела принять участие в споре. И куда только пропадает высокомерие «человека будущего», который, видите ли, знает уже и о возрождении иврита в качестве разговорного языка, и о создании Государства, и о победоносных войнах этого государства и о его рожденных болезнях — арабо-израильском конфликте и смутном статусе этой замшелым европейским фантазиям.

Сюрприз преподносит нам Агнон. В антологию вошел рассказ «Фернхайм». Этот рассказ, ранее не переводившийся на русский, возможно разрушает стереотип, созданный об Агноне у русскоязычного читателя: Агнон героически заполнил собственным творчеством разрыв в ивритской литературной традиции, и в этом его подвиг. Читай: его произведения написаны стилизованно под архаику с «четко проставленными национальными акцентами» и при этом кишат скрытыми цитатами (и *не скрытыми* цитатами), как лист Талмуда или гла-руются обычно классические еврейские тексты. Читатель спокойно расслабляется, решив не напрягаться, раз он все равно не учился в Воложинской Иешиве и не знает никаких классических текстов, да и уверен, что Агнон — это израильское «всё» и потому, как и Пушкин, переводу поддается плохо. «Фернхайм» не содержит в себе ни тени архаичности, его построение соответствует представлениям европейских критиков того времени, и при этом его никак не назовешь подражательным: в нем практически полностью отсутствуют цитаты из классических еврейских текстов, еврейское происхождение главных героев не имеет основополагающего значения, а вместо цитат нам предлагают играть в идишистскую ономастику.

Построение антологии может служить учебным целям, читатель может проследить, как постепенно исчезают программные статьи и в литературоведческих статьях остаются все меньшие идеологии и все больше места уделяются особенностям стиля и глубинам психологизма; и, наконец, произведения Иехудит Гендель и Эттара Керета совсем свободны от идеологии. Конечно, ивритскую литературу не назовешь светлой. Рассказ часто ведется от лица ребенка, и это обостряет восприятие читателя, так как с ребенком легче самоотождествиться. У Фейерберга и Бренера мы видим тусклую жизнь мальчишеского местечке с украденным хедером детством и новорожденными братьями, которые как будто родились только для того, чтобы умереть. Страшные экскурсы Ишхока Лейбуша Переца и Амоса Оза в истории антисемитизма констатируют бесмыслинность как героической гибели, так и любых попыток борьбы с притеснителями. Наполненный ужасом Шоа Аппельфельдовский рассказ «Птицы», призывающее сокрытие смертельного риска у Шамира. Больвой войны у Хaima Гури и Иехуды Амиаха. Муторные сомнения в справедливости войны у Самеха Исхара. Мрачные, абсурдистские пьесы Йосефа Бар-Йосефа «Трудные люди» и Ханоха Левина «Городцы резиной» имеют общую черту — все их персонажи фатально несчастливы. Рассказ Якова Хургина «Самир» о мальчике из дикого пустынного племени, единственным интересом в жизни которого является муки, рисует инстинктивный ужас человека перед убийством. Дочитав этот рассказ, начинаешь сомневаться, так ли ужасна была жизнь мальчика эта, писавшего свои стихи в сталинском лагере и погибшего там, исполнены тоской по Эрец Израэль. Этот автор особенно интересен русскоязычному читателю, он развивает лагерную тему с совершенно новой для нас стороны. Удивительно отталкивающий образ рассказчика создает Авраам Б. Иехошуа. Молодой интеллектуал, преподаватель математики, обнаруживающий некоторое сходство с Печорином, то от скучи, то из мести мучает всех своих близких, в том числе трехлетнего сына своей возлюбленной.

Сквозь всю антологию проходит повторяющийся сюжет: ребенок страстно влюбляется в некое существо, а оно, пробыв с ним немного времени, погибает. Сначала, в рассказе Мордехая Зеева Фейерberга «Теленок» режут теленка, которого любят маленький Хофни, все его молитвы и даже обещание пожертвовать 18 грошей (по числовой гематрии слова «жизнь») в копилку Меира-Чудотворца не помогают. Мальчик из рассказа Шмуэли Йосефа Агнона «Птица Моя» любит свою птицу, а она погибает, залетев в огонь, и не оживает несмотря на молитвы мальчика и, опять, на обещание пожертвовать 18 грошей в копилку Меира-Чудотворца. А в рассказе Эттара Керета «Разбой поросенка» мальчик полюбил поросенка-копилку, который находится в себе свою гибель. Каждый раз, когда мальчик пьет какао, в поросенка кладут шкекль, чтобы разбить его, как только копилка на-

полнится. Имя поросенка — Песахzon, то есть сын-жертва, предрекает мрачную развязку. Но наши тягостные ожидания, к счастью, не оправдываются. Мальчик вымаливает у отца еще день жизни для своего друга, обещая на следующий день выпить еще чашку ненавистного какао, чтобы положить последний шекель в копилку. Когда отец засыпает, мальчик уносит поросенка на пустырь и оставляет его там, спасая таким образом от молотка.

Рассказ этот — последнее художественное произведение в антологии и, кажется, место это выбрано составителями не случайно. Новое раскрытие этого сюжета в самом конце смягчает тяжелое настроение, созданное предыдущими произведениями.

Израильская литература богата и интересна. Никакая антология, даже столь мастерски сделанная, не может охватить ее целиком. Однако количество посвященных ей публикаций растет, и это говорит о том, что интерес к ней у русскочитающей аудитории жив, и вселяет надежду, что интересу этому не дадут угласнуть.

